

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

Музык

Петр

14.02.94

Эта беседа состоялась несколько недель назад. Сценаристы Петр Музык и Алексей Саморядов впервые попали в номинацию «Ники» за фильм «Дуба-дуба», получили приз «Золотой Овен», стали лауреатами конкурса «Приз Эйзенштейна».

Они считались сильной, талантливой парой и только-только начинали обживать сценарном Олимпе. Все было прекрасно, пока в их судьбу не вмешался несчастный случай — погиб Алеша Саморядов...

— Давайте, попробуем так: я не буду задавать вопросов, просто вы сами выдвигаете какой-нибудь тезис и поясняете его. Мне кажется — так будет интереснее. Потому что почти все интервью с вами, на мой взгляд, никак не раскрыли вас — ни как аналитиков, ни как философов, ни как футурологов.

— Годится. Алексей, не отвлекайся, все работаем. Тезис, говоришь? Ну, давай, для затравки вот этот — «кино всегда было бандитским делом». Годится? Тогда слушай.

Кино всегда было у нас бандитским делом, а в момент нахождения свободных денег — это абсолютно бандитское дело. Как экспедиция за золотом.

Я говорю про деньги, так как деньги стали главным двигателем жизни. Индустрия, к сожалению, не получается. Она была, но она, к сожалению, развалилась.

И сейчас все связанное с кино — чистой воды авантюра!

Абсолютно все. Причем это выглядит примерно так: это может быть авантюра чистой воды, авантюра с элементами мистики, авантюра с элементами уголовщины, даже авантюра с элементами искусства, причем высокого искусства. На сегодняшний день делать кино — это все равно, что быть авантюристом. Но авантюристом высокого класса! Авантюристом-виртуозом. Потому что надо добыть деньги, чтобы сделать кино. А ведь авантюристы высокого класса и есть люди, которые не воруют, не грабят, никого не убивают.

— Однако раз есть авантюристы, значит должен процветать и «кинорэкет», не правда ли? Постоянное и наглое воровство?

— Нет! На самом деле глобального воровства в кино сейчас нет. По крайней мере — намного меньше, чем было во времена Советской власти, когда воровали со сметы, расписывали и прочее. Как это ни странно!

Авантюризм состоит не в том, чтобы схватить деньги и смыться, а в том, чтобы сделать кино, которое никому не нужно сегодня. Вот ведь парадокс! Это какая-то бескорыстная авантюра.

— А можно я скажу тезис?

— Пожалуйста, Алексей.

— Мы написали Денису Евстигнееву сценарий, он снял по нему фильм и назвал его, кажется, «ВИП», и думает, что это фильм про новых русских.

А я думаю, что никаких новых русских нет, вот мой тезис!

Я думаю, что никаких новых русских или новых там англичан ни в кино, ни в жизни быть не может. Какие-то там «новые», будь то русские, узбеки или казахи — это просто идет обмусоливание каких-то идей, которые приходят сиюминутно. Это то же самое, что говорить о новом поколении молодых римских интеллигентов времен христианства! Тоже, наверное, были свои диссиденты.

— Это — как реп. Или диско. Кста-ти, критики живут на этом.

— То есть ты хочешь сказать, что нет никаких шестидесятников, семидесятников и прочих...ников, что это все ерунда?

— Конечно, ерунда. Абсолютная. И всевозможные новые поколения — тоже. Вот в кино, например, я замечаю, все идет какой-то своей чередой.

Например, есть умный, хороший, интеллигентный герой. Просто такой вот математик. Потом времена проходят, и эту тему обмусолили. Надоело. Потом идет глуповатый, но хороший такой герой, но с глупинкой, плохо

говорящий и плохо пишущий. Потом нам и этот герой надоедает, и идет ему на смену герой шатающийся — то он плохой, то он хороший. Но в конце он становится все же хорошим, осознает, так сказать. Затем и этот образ надоедает, и идет уже откровенный мерзавец. И всем он нравится, нравится, а потом и он надоедает!

А почему все так? Потому, что нового ничего нельзя придумать. Просто есть какие-то сиюминутные удовольствия и радости. Вот ты что-то придумал — обрадовался. И забылось. Или осталось на сто лет, а может, на пятьсот.

— Значит ничего нельзя предугадать, нельзя «прочувствовать» завтрашний день? Ведь многие (если не все) занимаются этим, что-то ищут.

— Ничего нельзя предугадать вообще!

Сейчас все ждут нового кино. И оно появится. Сначала это будет один фильм. Один. Достаточно было одного человека, чтобы открыть Америку, а потом все туда ринулись. У нас новое кино появится очень просто. Появится первый фильм, который тронет всех. Всех в России. И его сделает один человек.

мышленность в Испании — все бы говорили о засилии испанского кино.

А что мы хотим придумать? В таких случаях вообще лучше притчами разговаривать. Например, в последнее время себе говорю — вот какой хочу делать фильм. Такой есть мерзкий тип, герой-мерзавец. И к нему приходит положительный герой, чтобы спасти свою девушку. А мерзавец его убивает и девушку насилует. Приходит другой, положительный, — он и его убивает. И девушку его убивает. И вообще всех убивает. И ничего нельзя сделать. Такой он при этом мерзавец и смеется над всеми. А потом раз — и берет его Бог на небо, обнимает, целует и говорит: «Вот таким я тебя вижу, вот таким я тебя хочу, желанный ты мой...»

— Кто?

— Человек. (Ребята смеются. — Примечание авт.)

Вообще-то мы рады, что родились в это время. Всегда было жалко, читая про родные исторические периоды, что туда не попали. А теперь попали. И хуже уже некуда.

Это здорово. Хорошо тем, что Россия... вернее нет, что мы будем свидетелями, что Россия пойдет по свое-

МЫ, ПРОХОДЯЩИЕ МИМО

А сейчас наше кино напоминает кашу. Хорошее кино будет уменьшаться, то, о котором будет весь мир говорить. И меньше «попаданий» будет среди средних режиссеров. Или, говоря нормальным языком собаководов, — из чистокровных собак уже не получатся нормальные щенки. Потому что одну собаку зашибли, а другую спарили с дворняжкой, и получились какие-то ублюдки. А то взяли и просто скрестили сына и дочь, например.

И здесь — два пути. Или завозить откуда-то, и делать «заезжих» своей породой. Или выводить породу у себя, чтобы со временем они «погрызли» этих ублюдков.

Вот тебе еще один тезис про кино — получился. Годишься?

— Замечательно! А теперь пометайте, если хотите: что хочется сделать, что хочется видеть вокруг себя.

— Мы задумали сделать сериал, наподобие мексиканского. Это сериал про Махно. И есть люди, которые этим заинтересовались, дадут деньги. Этот образ долго ходил, оттачивался, пока не стал золотым. Таким, как Стенька Разин или Пугачев.

Он ведь хотел создать в те годы не как бы анархию, а как бы Российские Соединенные Штаты! Это так предполагалось, а получилось по-другому.

Создание свободной страны на территориях стран уже существующих! Это глобальный проект, и его подерживают.

— Не бонтеся, что украдут идею?

— На самом деле ничего украсть нельзя, то есть нельзя украсть идею. Настоящую идею украсть невозможно.

Вообще, если честно, то нет никакого засилия американского кино, вот так-то.

Их прорыв — это прорыв промышленности, технологий. Это просто бизнес такой. А была бы сильной про-

му пути. Не по пути псевдодемократии, а по своему, который ей предназначен. Этому можно сопротивляться, можно смиряться, но этот путь все равно будет.

— Но многие же про это сейчас только и твердят!

— Ничего подобного! Не все говорят. Или говорят, например, не то — что мы должны обратиться к цивилизации и так далее. Это ошибка! Мы всегда жили внутри цивилизации. Но в своей цивилизации. Как, скажем, Индия или Китай.

Меня, например, удивляет, какие у нас невероятно молодые мужчины, которым лет по 60—70. Они молоды внутри себя! Они ведут себя так же, как мальчишки, несмотря на портфели и галстуки. Они обижаются, как дети, ведут себя, как дети, врут, как дети, и воруют, как дети. Вот видно же, что ворует, но при этом врет! Да врет-то не как на Западе, где при этом выстраивают целую систему защиты. Нет! Он просто схватит со стола 1000 долларов и говорит, что надо вот на что-то. И видно, что он не знает, как соврать-то толком.

И вот по этой молодости внутри, я определяю, что мы — нация молодая. Мы можем, как всякий молодой человек, который не знает, чем ему еще заняться, очень сильно нагадить где-то. Мы, наоборот, можем быть вдруг очень застенчивы или скромны. Или вдруг кинуться и сделать что-то такое мерзкое. Мы такие люди. Мы еще не повзрослели. Мы еще не знаем, как себя вести.

Ну, не англичане мы, ты хоть убей нас!

А какое-нибудь там «Сообщество» американское или европейское — пытаются натянуть на нас свои штаны. У нас, говорят, так заведено. Правильно есть — вот так надо. А смотреть — вот так. К женщине надо относиться вот так. Вот так, говорят, заведено.

Это же бред.

Но уже часть народа, задрав от встречного ветра головы и пуская слюну, бежит и говорит — вот как надо! Вот как надо есть! Вот как надо ложиться!

В основном это наша интеллигенция. Большая ее часть. Она так же оторвана от народа, от страны, как были когда-то оторваны декабристы. Хотя нет, те-то как раз оторваны не были! Наше историческое дворянство было по крови своей глубоко национально, вело себя с народом просто, доступно и понятно. Любый мужик это понимал!

— А что сейчас не так?

— Нет. Наши интеллигенты — это иностранцы в своей стране.

В прошлом веке мужик понимал барина лучше, чем сейчас какой-нибудь шофер-дальнобойщик поймет какого-нибудь писателя или критика. Почему так получилось? Потому что многие считают себя гражданами Западной Европы. Это ошибка! Причем, это не моя мысль, я ее только повторяю.

Почему пришел Жириновский? Потому что все говорили: эта страна, в этой стране надо сделать то-то. И он только один говорил — Россия, русские. И его поняли. А то все сидели и не могли понять: какой-то там мониторинг или шейпинг. Слово «демократия» — непонятно же. А вот слово «корова» — понятно, слово «земля» — понятно, слово «русский» — понятно.

Ведь до чего дошло — слово «русский» среди интеллигенции стало неприличным! Человек стесняется сказать, что он русский, он говорит — россиянин. А вот просто — я русский, стесняется. А кто не стесняется — те делают это в такой пошлой степени, что подтверждают стеснение других.

Очень многих устроило бы, я говорю про интеллигенцию, если бы они стали 51-м штатом Америки. Но это невозможно. Этого не будет никогда! Можно к этому относиться плохо. Можно топтаться, грабить и затаскивать весь наш народ в Европу. Но все равно потом придут люди и порежут всех. Так было уже тысячу раз. Потому что народ сам по себе.

— Чем же все это кончится?

— Низы еще будут какое-то время думать, а потом скажут — а пошли вы все!

Мы смотрели недавно картину «Калина красная». Ну, совершенно бездарно снята картина. Просто по режиссуре. Снята пестренько, смонтирована неказисто. Скажем, но куда ей до картин Бертолуччи — по профессии, по режиссуре, по ощущению какой-то тайны. Но ведь фильм-то народный! И он трогает тебя. Вот и Жириновский — неказистый, дурак. А вот говорит — и начинаешь как-то волноваться. Нет, был бы другой рядом, который это же говорил, но более умный, то слава Богу. Но нет же!

Так и в кино. Кто-то снимет неказисто, но будет наше, родное. Как заденет струну настоящую, которая всем близка!

— Будем закругляться. О чем еще скажете напоследок?

— Напоследок... Наверное, сказку. Рассказки какую-нибудь, Алексей.

— Можно вот эту — про русский бизнес?

Один парень жил недалеко от Оренбурга, в Татарской Каргале.

Он был все время бедный такой. Все время ему не везло. И даже девушки у него не было. Такой он был весь грязный, весь в мазуге. И в доме у него ничего не было, и картошка у него не росла.

И он все время думал — ну как же мне стать богатым?

Вот он думал, думал и понял. Приехал раз какой-то богатый человек выкупать что-то в деревне. Парень подошел к нему, отманил в сторону и убил. И кровь его выпил. Сидит, ждет — будет он от этого богаче или нет. Ждет, чтобы кровь богатого к нему в мозг перешла.

И, действительно, через год стал наш парень миллионером.

Вот такая сказка.

Беседу вел

Рамиль ЯМАЛЕЕВ.

● Петр Музык и Алексей Саморядов. Фото Александра Тягны-Рядно.

Экран и сцена —